

Коррупция — возвращение «старого» мира в эпоху модерна?*

Карл-Хайнц Заурвайн

Аннотация. Перевод доклада, сделанного доцентом Боннского университета, доктором философии Карлом-Хайнцем Заурвайном на 33-м Конгрессе немецкого общества социологов. Автор исследует феномен коррупции и аргументированно опровергает тезис о том, что коррупция характерна только для обществ, не перешедших к модерну, или переходных обществ и обусловлена особенностями культуры или менталитета. Напротив, по мнению автора, коррупция — одно из условий существования современного общества. Автор критикует социологические теории, обосновывая свою позицию.

Ключевые слова. Теория рационального выбора, модернизация общества эпохи модерна, теория систем.

Введение. Прежде всего остановимся на вопросе, почему коррупция представляет собой не только моральную, экономическую и политическую проблему, но и проблему теории социологии. Точнее, коррупция — это проблема для теории общества модерна. В связи с этим актуален вопрос: что мы можем понять о наших представлениях общества модерна, когда мы наблюдаем распространение в нем коррупции и общественную дискуссию о коррупции. Оба аспекта — коррупция как практика социального влияния и коррупция как тема коммуникации в обществе — должны быть рассмотрены в их связи между собой. Без символически-коммуникативного компонента мы не сможем объяснить, почему в одном случае коррупция приводит к общественным возмущениям, в другом — к апатии и отстраненности от политики, в третьем — дает толчок обширным политическим изменениям.

В первую очередь ответим на такой критико-теоретический вопрос: можем ли мы провести адекватный анализ коррупции в обществе модерна в рамках современных социологических теорий, или мы будем вынуждены переосмыслить некоторые положения этих теорий?

Отправной точкой моих рассуждений является популярная гипотеза, что коррупция — это признак отсталости, реликт старого мира, который указывает на недоста-

* Пер. с нем. В. Н. Гиряевой. Источник: Saurwein K.-H. Korruption — das Wiedereintauchen der «alten» Welt in die Moderne? Текст доклада ранее не публиковался и был любезно предоставлен автором для перевода. Публикуется с сокращениями.

© Saurwein K.-H., 2012

© Гиряева В. Н., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

точную модернизацию общества. Это направление в рассуждениях я буду обобщающе именовать «гипотезы недостаточности».

Гипотезы недостаточности явно или неявно работают с моделью совершенного общества, в основе которой лежит рассмотрение коррупции как эволюционного реликта или патологического отклонения. Контраст идеала и реальности, идеально-типической модели и эмпирической реальности, конечно, задевает коллективные чувства справедливости и честности, но и вызывает ощущение, что если предпринять усилия против коррупции, то возможно изменить ситуацию. С точки зрения анализа такой подход дает не много, так как вначале все равно необходимо прояснить, как коррупция постоянно возрождается в условиях современного государства.

Сначала обоснуем, почему коррупция — это не феномен недостаточности модерна, а собственно сам модерн. Вопрос заключается в том, возможно ли это сделать с помощью средств, предоставляемых новейшими общественными теориями? Перспективной является теория систем, которая уделяет внимание процессам самоорганизации и внутренней динамики. Один из известнейших представителей новейшей теории систем Дирк Бэкер (Dirk Baecker) в одном своем эссе писал, что коррупция есть не что иное, как форма претворения в жизнь индивидуальных желаний в обществе, которое не доверяет своим членам и именем рынка или демократии контролирует и исправляет еще не совершенные ими ошибки (Baecker, 2000). Это замечание вызвало возмущенные комментарии, сводящиеся к характеристике теории систем как циничной и оторванной от реальности. Далее попытаюсь определить, дает ли функционалистская теория систем возможность по-новому взглянуть на коррупцию как социальный феномен.

Хотел бы в связи с этим изложить свои аргументы в три этапа.

Сначала коротко обосную, почему взгляд на коррупцию сосредоточенный на акторах, не может охватить этот феномен целиком и почему имеет смысл еще раз проверить возможность применения общетеоретического подхода к объяснению феномена коррупции. Затем обращусь к некоторым центральным аргументам тезиса недостаточности, в соответствии с которыми коррупция рассматривается в связи с неполностью и неодновременностью развития модерна в разных структурах, и покажу недостатки этого подхода. Наконец, попытаюсь ответить на вопрос: может ли современная теория систем предложить улучшенные инструменты для анализа коррупции.

1. Белые пятна анализа, сосредоточенного на акторах. Основная причина выбора общественно-теоретического взгляда на коррупцию — это слабые места теорий, сосредоточенных на акторах, уделяющих особое внимание мотивации актора, конкретным условиям, в которых было совершено деяние, классификации процессов коррупции. Для эмпирического анализа случаев коррупции, когда необходима понимающая реконструкция логики ситуации и логики принятия решения, этот подход незаменим.

Правда, в этом случае исследователи теряют из вида структурные предпосылки коррупции, влияние и воздействие институтов, роль промежуточных инстанций. Ре-

конструкция психологических процессов и индивидуального выбора не дает ответ на вопрос, какие соображения целесообразности, интересы, ценностные конфликты внутри общества приводят к тому, что участие в коррупционной «сети» становится для акторов осмысленным и желательным поведением. По мнению лиц, наблюдающих коррупцию со стороны, распространение этого явления указывает на кризис общественных структур поддержания правопорядка, который выражается не только в отклонении поведения отдельных акторов от общественных норм, но и прежде всего в неправильном распределении общественных ресурсов, таких, как деньги, власть, репутация, моральный авторитет.

Попытка включить «моральный» компонент коррупции, рассматривая коррупцию как выражение моральной неполноценности деятелей или деяния, кажется мне не очень продуктивной (Streissler, 1981: 229). Именно эта форма персонализации скрывает амбивалентный характер нормативной системы общества, которая допускает возникновение двойственной ситуации и дает основание акторам выдавать беспринципность за вынужденную необходимость. Граница между коррупцией и некоррупцией может быть легко стерта на индивидуальном уровне, если у акторов есть причины подменять различие категорий морального и аморального категориями успешности и неуспешности. Стирание границ — это реакция на фактическое или мнимое давление извне, которое ставит субъекта перед выбором, хочет ли он принять участие в этой игре или нет. В отдельных случаях стирание границ можно представить как технику рационализации или нейтрализации, но в таком случае необходимо задаться вопросом: какое вознаграждение можно получить в обществе или в определенной сфере за приспособление к условиям посредством отклоняющего поведения?

Теоретические предположения сводятся к анализу условий, в которых действовал актер, и его мотивации обычно не выходят за рамки того, что уже было установлено эмпирически. Поиск определенного типа личности, характеризующийся склонностью к отклоняющемуся поведению, постоянно заканчивается неудачей, а на вопрос, почему у задержанных слабо выражено чувство несправедливости, легко ответить с точки зрения психологии. Намного меньше внимания в литературе уделяется другому вопросу: как вообще такая рационализация принимает вид разумного обоснования и правдоподобия и как можно этот вид рационализации отличить от той, которую мы считаем деловой сметкой и социальной компетенцией?

Можно предположить, что «коррупцированная личность» — это стереотип, популярность которого делает возможным сохранение существующей структуры и психологическое успокоение по принципу: даже идеальная структура не может обуздать криминальную энергию проникнувших в нее редких «черных овец», обнаружение и идентификация которых, в том числе с точки зрения научного наблюдателя, являются свидетельством функционирования структуры. Замечание о сильной криминальной энергии деятеля, с одной стороны, дополняет картину борьбы добра и зла, с другой — ставит под сомнение возможность и эффективность превенции и контроля. Кроме

того, оно предоставляет гражданам возможность повозмущаться по поводу безответственности других людей.

На самом деле нет необходимости в глубоком психологическом анализе, достаточно просто здраво рассуждать, чтобы прийти к выводу, что беспринципное использование возможностей, асимметрий и непрозрачности системы, привилегированный доступ к должностям и власти, привлечение частных связей всегда и везде являются мотивацией для поиска субъектом легальных и нелегальных преимуществ, которые можно извлечь из его положения.

Вне сомнения и то, что, во-первых, коррупция приносит частную выгоду отдельным лицам; во-вторых, что коррупция соответствует модели взаимовыгодного обмена с тем отличием, что такая сделка совершается за счет третьих лиц, и акторы либо исходят из того, что об их сделке третьи лица не узнают, либо предпринимают для сокрытия сделки активные действия. И это удается им тем лучше, чем лучше они могут использовать асимметрию информационных систем, чтобы скрыть сделку, или чем лучше они могут использовать существующую непрозрачность, чтобы увеличить асимметрию. Только при таких условиях возможна манипуляция с целью принятия решений в свою пользу.

Заслуга модели рационального выбора в том, что она развенчала миф о необходимости поиска глубоких психологических основ личности. Очевидно, что не существует никаких особых признаков личности, которые могли бы стать единственным критерием отличия добропорядочного политика или предпринимателя от легкомысленного приспособленца или карьериста. Скорее, все происходит наоборот: конформные, честлюбивые люди, с ярко выраженным чувством верности и лояльности, знающие правила поведения в высшем обществе, с усердием, выдержкой и прилежанием выполняющие свою работу, в какой-то момент отступают от связывающих их обязательств и принципов. Теория рационального выбора в данном случае обращает внимание на условия, в которых оказывается актор, и на мотивы и стимулы, которые порождены определенной ситуацией.

В рамках модели «агент-принципал» экономической теорией была создана обобщенная модель, которая объясняет, каким образом асимметрия в области информации и знаний акторов, затраты¹ на подготовку и претворение в жизнь взаимосвязанных действий, а также возможность контроля таких действий и применения санкций могут так изменить спектр возможностей, ожидания и действия акторов, что для некоторых из них окажется возможным и полезным обмануть принципала. Например, постараться избежать конкурса или путем манипуляции, договоренности и обмана получить доступ к ограниченным социальным ресурсам.

Бесспорно, экономическая теория имеет ряд достоинств: в случае, когда речь идет о коррупции, экономическая теория не сводится к морализаторству, а рассматривает коррупцию как стратегическую адаптацию акторов к определенной ситуации. Представители экономической теории не должны участвовать в бесконечных дебатах о

1. В данном случае под «затратами» в соответствии с теорией рационального выбора понимаются не только денежные затраты, но и время, усилия, негативные эмоции. — *Прим. пер.*

том, как точно охарактеризовать такое явление, как коррупция, а могут работать с разными определениями. Коррупция — это один из вариантов поведения, который выбирает актер.

Экономическая теория прежде всего рассматривает возможности и действия с точки зрения относительной рациональности принятия решений и анализа последствий действий. В этом контексте подкупность государственного служащего — это успешная попытка извлечь из службы дополнительную выгоду. Подкуп предпринимателем чиновника — это не что иное, как стремление снизить затраты на получение определенного заказа, попытка избежать участия в честном конкурсе: таким образом конкуренты будут сняты с дистанции, а расходы на взятку можно будет компенсировать повышением цены на продукцию или ухудшением ее качества и т. д. Успех предприятия в конечном итоге зависит лишь от того, как структурированы спрос и предложение и удастся ли и в какой мере удержать желаемые цены на черном рынке.

Слабость этой теории, с моей точки зрения, в том, что она не объясняет, почему социально-экономические выгоды и затраты распределены так, как они распределены, как акторы распознают это распределение, почему оценивают его как важное и полезное для себя и действуют с целью снижения затрат и увеличения выгоды. Модель рационального выбора радикальна: исключения из беспринципной схемы действий рассматриваются как требующие специального объяснения, так как необходимо понять, почему не все акторы и не в каждый момент времени используют все возможности, которые им предоставляет структура общества. В данном случае принято ссылаться на общеизвестные различия между фиаско (провалом) государства и фиаско (провалом) рынка. С точки зрения либерализма речь идет о простой цепочке причинно-следственных связей: в идеале жизнеспособные рынки сами не допустят любой формы обогащения посредством коррупции. Таким образом, проблема коррупции может возникнуть только в том случае, если внешние эффекты не могут быть трансформированы во внутренние, образуются информационные асимметрии, блага не могут быть поделены или естественные монополии ограничивают конкуренцию. Такое положение вещей становится проблемой лишь в случае, если государство и бюрократический аппарат пытаются компенсировать недостатки рынка путем вмешательства в его механизмы и путем денежных возмещений в рамках концепции социального государства <...>.

Структурно обусловленная асимметрия распределения информации и власти и связанные с ней возможности нечестного поведения — это важные указания на те сферы общественной жизни, в которых может развиваться коррупция. Однако анализ возможностей не заменит ответа на вопрос, как с такими возможностями на практике обходятся акторы. Прежде всего остается неясным, какие направления общественного развития позволяют продолжать функционировать старым механизмам в эпоху модерна или почему новые условия и стимулы открывают возможности не только для коррупции но и для политического и морального противостояния ей.

Сведение проблемы к различению фиаско государства и фиаско рынка недопустимо упрощает ее. В зависимости от идеологических предпочтений рассуждающие

в таком духе ученые предполагают, что общество в целом может быть организовано либо как рынок, либо как идеальная демократия, чтобы смочь перекрыть кислород коррупции. При этом они упускают из вида, что информационная асимметрия является следствием функциональной дифференциации общества. Без такой информационной асимметрии не могли бы проявиться преимущества общественного разделения труда.

Не лучше и с теорией демократии, которая упоминает о коррупции как о нехарактерном для этой системы и досадном исключении из правил, презумируя, что коррупция — это системно обусловленный обязательный элемент авторитаризма. Без сомнения, авторитарные и централизованные системы предоставляют больше шансов для реализации частных интересов в отсутствии конкуренции или общественного контроля. Тем не менее остается спорным, предрасположено ли сильное государство к коррупции, потому что оно сильное, или, может быть, его слабость состоит именно в том, что оно не в состоянии породить веру в легитимность и эффективность своих институтов и поэтому становится добычей экономической, военной и социальной элит.

Экономические стратегии объяснения коррупции обычно располагают весьма ограниченным пониманием логики власти, институционализации нормативных правил и дискурсов, посвященных этим вопросам.

2. *Понимание «власти» в рамках экономического мышления.* Политические учреждения (нем. — Ämter) не только являются одной из форм неполных рынков, которые могут быть использованными некоторыми акторами, но и подразумевают существование властного порядка, который устанавливает распределение (безусловных) обязанностей и прав совершать определенные действия. Соблюдение этого порядка не может быть объяснено только соображениями выгоды. Речь идет о распределении власти и, соответственно, о распределении права давать указания, обязательные к исполнению. Власть только тогда может функционировать, когда по крайней мере отдельные ее распоряжения и решения не рассматриваются как объекты купли-продажи. Асимметрия и непрозрачность в данном случае являются не случайными признаками неполного рынка (хотя с точки зрения экономики и рассматриваются как таковые), а естественными составляющими осуществления власти². Если бы коллективные решения не были обязательными, то они бы оставались невыполненными, если бы политические и административные решения были прозрачны на любом этапе принятия, то они вообще никогда не были бы приняты. Даже в демократических структурах постоянно выносятся решения, процесс принятия которых скрыт от вовлеченных.

2. В отличие от Макса Вебера, который понимал под властью в первую очередь подавление противостояния и господство, т. е. возможность требовать повиновения определенных групп людей своим указаниям, М. Крозье и Фридберг представляют власть как возможность для принятия решений и действий одними людьми, которая таит в себе неопределенность для третьих лиц. Власть всегда асимметрична и непрозрачна и одновременно обратима, т. е. человек, который с первого взгляда абсолютно лишен власти, получает ее, если он может создать завесу невидимости и неопределенности для других.

«Политическое измерение» коррупции обычно рассматривается в рамках пространенного определения Джозефа Найя-мл. (Joseph S. Nye, Jr.), в соответствии с которым коррупция имеет место тогда, когда государственной должностью злоупотребляют в личных целях. Даже это определение указывает на структурные условия, наличие которых необходимо для появления коррупции:

- 1) различие между общественными и частными вопросами;
- 2) акторы при определенных условиях и в соответствии с правилами наделяются правом от имени государства принимать решения, обязательные для остальных. При этом процесс принятия решений не должен быть абсолютно предсказуемым и прозрачным;
- 3) вытекающая из первых двух условий и основанная на доверии ответственность тех, кто принял эти решения, перед теми, кто наделил их этой властью, и теми, кого касаются последствия их принятия.

3. *Нормативные аспекты на примере комплекса профессиональных вопросов.* Из вышеизложенного следует комплекс нормативных вопросов, касающихся единства (нем. — Integrität) публичной роли. Что считать служебными обязанностями или личными делами — регулируется социальными и профессиональными нормами. Они различаются в зависимости от исторического времени и географии. Меняются представления о том, что обязаны, должны и могут делать лица, занимающие должность в аппарате власти. Проблема асимметрии информации и знаний и непрозрачности процессов существует не только в области политических решений и действий, но и там, где речь идет о предоставлении профессиональных услуг. Отношения между экспертами и обывателями также построены на асимметрии информации. <...> Можно сколько угодно спорить о том, приведет ли увеличение конкуренции в медицине к падению цен на медицинские услуги и к улучшению их качества, но медицинские услуги могут считаться таковыми только тогда, когда они, помимо стоимости, отвечают профессиональным критериям качества и ответственности. Оказание профессиональных услуг, связанных с применением знаний, характеризуется тем, что лицо, предоставляющее такие услуги, отвечает профессиональным критериям и потому получает свободу действий, которые для стороннего наблюдателя непрозрачны или полупрозрачны.

Без такой свободы оказание профессиональных услуг было бы невозможно. Пациент может не доверять советам врача или обратиться к другому консультанту, но разницу в компетенции между собой и врачом он не сможет преодолеть ни силой власти, ни силой денег. Пациент должен быть готовым доверять врачу. Таким образом, анализ профессиональных отношений поднимает следующие проблемы:

- 1) как реагировать на разницу в компетенции и на непрозрачность? В данном случае речь идет о не только о свободе, необходимой профессионалу для его действий, но и о защите им интересов клиентов;
- 2) нормативный контроль за действиями экспертов не может заменить самоконтроля эксперта;

3) профессиональные нормы распространяются не только на качество услуг, они способствуют формированию и сохранению доверия экспертам;

4) нормативный самоконтроль — это не индивидуальная проблема совести каждого профессионала, это вопрос возможности институционализации коллективных ценностей, обязательств и самоконтроля.

4. *Коррупция как недостаточность модернизации общества модерна.* Существует много вариантов «теории недостаточности»: с точки зрения теории эволюции она описывает институциональное и семантическое состояние общества, находящегося в ситуации неравновесия, в котором коррупция является функциональным эквивалентом недостаточной легитимности и эффективности институтов или невозможности инклюзии некоторых социальных групп. С точки зрения теории систем важно ответить на вопрос: какие есть условия и стимулы для развития коррупции, и определить логику, в соответствии с которой индивидуальные акторы и группы акторов в создавшейся ситуации принимают решения.

Примечательно, что идеи недостаточности развиваются в очень разных теориях: в теориях рационального выбора рассматривается в первую очередь «недостаточность» в реализации права собственности и договорного права, что ведет к тому, что рациональные акторы полагаются на интимность и доверительность личных контактов, с целью поддержания их начинания, и тем самым снижают стоимость информации и сделок. Это происходит потому, что права собственности и права совершать те или иные действия и сделки либо нечетко сформулированы, либо непрозрачны, либо контакты между принципалом и агентом происходят в условиях неконтролируемости принятия решений. Известный тезис рентоориентированного поведения (Rent-Seeking) объясняет, почему окупаются инвестиции акторов в политику.

Rent-Seeking — это не что иное, как рациональное приспособление к вмешательству государства в рыночную экономику. Небольшие и хорошо организованные группы благодаря политическому влиянию получают преимущества или ренту, которые они не могли бы получить в условиях честной конкурентной борьбы. Коррупция в данном случае лишь экстремальный вариант влияния на принятие решения путем поддержания личных контактов с управленцами или политиками. Власть и деньги сливаются быстро и незаметно: деньги помогают власти, а власть открывает для денег новые возможности. Есть ли лучший способ доказать или укрепить дружбу? Перефразируя старую поговорку: маленькие подарки сохраняют дружбу, а большие делают ее предсказуемой.

В структурно-функционалистских теориях можно найти те же размышления, но аргументированные на макроуровне с точки зрения опережающе-запаздывающей («Lead-lag») перспективы.

Из-за неодновременного и неравномерного развития секторов общественной жизни еще не выработались единые стандарты публичной честности и добросовестности, а традиционные формы обмена подарками, патронажа и семейственности продолжают существовать. Другими словами, существующие современные структуры в организациях и административных органах рассматриваются в меньшей степени как

соответствующие критериям защиты общественных интересов, а в большей степени — как часть сети, обязывающие давать и брать.

Так, Н. Луман, характеризуя систему отношений на юге Италии, отмечал, что схема мышления в категориях помощи, поддержки и ожидаемой благодарности просто переносится на общение с модерными организациями. Ресурсы, которые уже упоминались в этом докладе, в данном случае берутся, не как это было раньше из социального капитала, доставшегося по рождению, из унаследованного статуса или использования межрегиональных контактов региональных элит, а из служебной компетенции тех, кто располагает важными позициями в организации (Luhmann, 1995).

Слабость политических партий и взаимосвязи политических институтов, возможность направлять постоянно растущую политическую мобилизацию через легальные формы партиципации и влияния открывают двери для индивидуальной коррумпированности.

При всех различиях в формулировках и методологии обе теории фокусируют свое внимание на продолжении или возвращении к надежным партикулярным связям с временами или ситуациями, характеризующимися неуверенностью, неизвестностью или переходом от стратификации к функционально дифференцированным структурам. Акторы приспосабливаются к новым условиям, используя асимметрии информационных систем и непрозрачность в свою пользу, вновь обращаясь к построенным на доверии сетям или встраивая новые структуры в эти сети. В обоих случаях налицо дефицит институциональных структур, и коррупция представляется как более или менее рациональная реакция на происходящее.

Именно функционализм исключает любую нормативную оценку того, что получает общество от коррупции и какие убытки несет в связи с ней. С точки зрения функционалистского подхода — коррупция это исключительно эмпирическая проблема. Коррупция представляется механизмом интеграции в условиях быстрых социальных перемен. При этом она может как поддерживать экономическое и политическое развитие, так и мешать ему. В этой связи можно вспомнить мертоновский анализ партий в американском городе, функционирующих как политические машины и уравновешивающих конфликты экономических и политических интересов этаблированных групп и групп новых иммигрантов посредством взяток, покупки голосов. Обращаясь к истории модерного общества, можно предположить, что системы патронажа не только располагают возможностью поддержания лояльности на своей территории, но и создают возможности для продвижения наверх по принципу происхождения тем слоям и группам, которые в противном случае были бы исключены из сферы политической власти.

При рассмотрении коррупции как формы оказания социального влияния характеристика ее позитивных и негативных функций зависит от системы координат.

В любом случае функционалистский анализ содержит в себе ряд недостатков. Первый связан с циркулярной аргументацией, в соответствии с которой существование коррупции обосновывается тем, что она имеет определенное функциональное значение. Подчеркивается значение интегрирующей функции коррупции, заключаю-

щейся в том, что для некоторых групп — это единственная возможность приобрести экономические или политические ресурсы.

Следовательно, вопреки морали коррупция должна рассматриваться как нечто функциональное. Морали в данном случае противопоставляется «реализм», который предоставляет возможность всему идти своим чередом. Однако анализу отдельных исторических ситуаций противоречит большое число эмпирических исследований, доказывающих, что коррупция имеет преимущественно негативное экономическое, политическое и социальное влияние. Она делает бедных еще беднее, блокирует социальную мобильность, мешает экономическому росту, превращает политические системы в неэффективные, разрушает их легитимность. Эти процессы обычно взаимно усиливают друг друга. Структурно-функционалистскому анализу, как правило, недостает чуткости в оценке динамики процессов.

Второй недостаток «реализма» в том, что он исходит из утверждения: коррупция — это временное явление, она исчезнет в процессе экономической, политической и социально-культурной модернизации.

В аргументации и терминологии Т. Парсонса модерность модерна можно описать следующими понятиями: ценностный универсализм, активизм, индивидуализм и рационализм. Из этого следуют идеи о возможности акторов самим связывать себя социальными ролями и о функциональности и легитимности общественных институтов. Современные экономические системы хотя и основываются на генерализации денег, но одновременно содержат множество дифференцированных правил о том, что можно, а что нельзя купить за деньги.

Поэтому коррупцию часто представляют как возвращение к натуральному обмену и партикулярным связям. «Коррупция включает в себя непосредственное и специфическое для каждой отдельной ситуации политическое действие в обмен на экономические последствия» (*Social structure and mobility*, 1966: 212). Следуя мнению Смелсера, коррупция как структурный феномен является отражением модерна. Вместо универсальных критериев оценки достижений используются партикулярные связи и лояльность, на место социальной инклюзии, проводимой в соответствии с успехами в конкурентной борьбе, заступает инклюзия на основании образования монополий, патронажа или nepотизма. Место всеобщей веры в справедливость и универсальные правила занимают доверительные отношения и конспирация малых групп, которые создают собственные законы и не нарушают их. С этой позиции можно утверждать, что коррупция всегда будет развиваться там, где отсутствует авторитет политической системы, а универсальные и неперсонифицированные критерии работы государственного или политического чиновника пока не смогли побороть конкретных интересов отдельных лиц. То же можно сказать и о ситуации, когда распределение доходов, власти или престижа происходит на основании не универсалистских критериев достижений или формального равенства шансов, а принадлежности к определенной группе, происхождения или иных ложных критериев. Неравенство, порождаемое социальным расслоением, приводит к тому, что индивидуальные или коллективные акторы склоняются к тому, чтобы заплатить за получение желаемой

позиции (аристократия) или использовать полученную позицию для того, чтобы иметь возможность принимать решения в целях личного обогащения. Недостаточность дифференциации экономических, политических или социально-культурных источников власти позволяет возникать обмену, нацеленному на то, чтобы применить имеющиеся у актора средства власти, для приобретения того, чего он пока не имеет, или компенсировать будущие убытки, которые актер пока не понес (*Social structure and mobility*, 1966: 218).

Исходя из вышеизложенного, в современном обществе нет ничего, что поколебало бы уверенность индивида и группы в том, что им положено больше, чем они имеют, или в том, что то, что имеют остальные, является результатом несправедливой конкурентной борьбы. Следовательно, система ценностей общества модерна с ее ориентированностью на достижение целей, равенство и свободное самовыражение выпускает на волю притязания, которые не могут быть удовлетворены актором за счет его собственных действий и которые могут быть лишь частично удовлетворены за счет рынка, политических и правовых институтов.

За этим видится — по большей части неосознанно — гармония общества модерна, которое в состоянии согласовать проблему функциональной дифференциации и генерализации. Это происходит, во-первых, из-за консенсуса в системе ценностей, которая, отделившись от религиозных верований и этнических связей, укрепляет гражданские права и равенство возможностей, и во-вторых, из-за того, что рыночная система и система принятия политических решений относительно независимы друг от друга. Здесь даже не надо анализировать напряженность моральных дебатов или скандальной риторики СМИ, чтобы понять, что это представление идеализирует современное общество, замалчивая его структурные противоречия и конфликты.

В дальнейшем не будем останавливаться на противоречиях этой теории. Меня занимает другой вопрос: с какой позиции возможно прийти к таким выводам? Вопрос о том, какие последствия имеет коррупция — негативные или позитивные, — можно поставить, только находясь вне самореферирующей системы, в которой коррупция успешно практикуется. Это в меньшей степени вопрос просвещения и морального убеждения, а в большей — вопрос условий, в которых утвердилась логика экономических, политических и социальных действий.

На уровне поведения и принятия решений проблема становится похожей на дилемму заключенного, когда каждая сторона имеет стимулы и основания для некооперативных и скрытых действий. Такая ситуация характеризуется отсутствием общего доверия (игроков по отношению друг к другу. — *В. Г.*) или культурой всеобщего недоверия³. Никто не сможет выиграть, если он в одностороннем порядке поменяет свою стратегию. В ситуации, когда акторы не могут быть уверенными в том, что другие игроки будут действовать в соответствии с установленными правилами, а, напротив, должны считаться с тем, что возможно получение преимуществ в ходе коррупционных действий, актер не может добиться комфортным поведением улучшения своей

3. Атмосфера всеобщего недоверия и отсутствие легитимного центрального аппарата принуждения — лучшая почва для процветания коррупции и организованной преступности.

ситуации и не может ожидать, что другие акторы будут следовать правильному примеру. Не в последнюю очередь это связано с тем, что коррупция всегда дешевле, чем подсчитанная по минимуму цена конкуренции.

О том, как могут быть использованы ожидания всеобщей коррумпированности, чтобы заставить акторов, готовых к коррупции, самих себя обмануть, пишет журнал «Шпигель» (Spiegel. 2006. № 38, 18.09. S. 114). Группы мошенников в Китае подавали заявки на поставки крупных партий товаров и затем инсценировали переговоры, на которых речь шла не о привлекательных условиях поставок, а о получении откатов и подарков, которые — как все считали — необходимы для того, чтобы заслужить благосклонность покупателя (чиновника или военного) или чтобы ускорить процесс получения разрешения. Ожидаемо успешное заключение договора о ценах на сталь оказывалось фикцией, реальными были лишь суммы, списанные с кредитных карт на откаты и подарки.

Не в последнюю очередь об этом же свидетельствуют дебаты об экологическом кризисе, о котором мы все знаем, что он был создан общественными отношениями в производстве и потреблении. При этом мы имеем очень скудное представление о том, как можно эффективно использовать экологические критерии в таких подсистемах общества, как экономика, политика и право. Коррупция — это форма социального загрязнения окружающей среды, которая производится той же системой, чьим функциям она затем наносит вред <...>.

Основными источниками влияния в функционально дифференцированном обществе являются деньги и власть. Они представляют собой генерализованные формы интеракций и коммуникаций и нуждаются — согласно Парсонсу — в специфической институционализации: деньги могут играть роль общего коммуникативного средства только в условиях четко закрепленного права собственности и прописанных правил о том, что можно, а что нельзя купить за деньги. С этой точки зрения современное общество с развитой денежной системой характеризуется тем, что в нем нельзя купить за деньги все. Не должны покупаться и продаваться: политические посты, голоса депутатов, заключения экспертов, освобождение от отбывания наказания и от несения военной службы.

Коррупция — это форма влияния, которая может быть использована на пересечении различных подсистем <...>, что наглядно демонстрирует пример власти и денег. При коррупции применение политической власти связано с необходимостью покупки голосов или с использованием денег для принятия политических решений в частных интересах отдельных групп. Таким образом, становится невозможным доверие к политической системе в обществе <...>.

Приведу аргументы в пользу того, что представленная мной картина — это отнюдь не грубо упрощенное понимание современного общества, а коррупцию в ее классических и современных формах можно понять и исследовать только в связке с современными структурами общества и коммуникациями в нем по поводу самой коррупции. Другими словами: мы коммуницируем по поводу какой-то проблемы, тем самым делаем ее объектом наблюдения. Как бы тривиально это ни звучало, аналитические послед-

ствия этого утверждения нетривиальны: мы должны сначала поставить вопрос, почему благодаря модерну или несмотря на модерн коррупция не уходит в прошлое, а, напротив, продолжает существовать <...>.

Наблюдаемые примеры коррупции в современном обществе противоречат тому представлению, которое оно пытается само о себе составить. Это выглядит так, будто в современное общество снова пробрались социальные отношения, которые уже давно были пережиты и остались в прошлом, а сами они и механизмы их функционирования противоречат сути этого общества.

5. *Коррупция как инструмент связи модерна со старым миром?* В ходе саморефлексии современные общества описывают себя как такие, которым присущи универсальные ценности, активизм, индивидуализм и рациональность их членов, из чего у индивида развиваются убеждения в возможности самому выбирать свои социальные роли, в легитимности и функциональности общественных институтов. От акторов ожидается, что в своих действиях они будут руководствоваться балансом между общественными обязанностями и поиском индивидуальной выгоды <...>.

Современные общества предпочитают описывать себя как функционально дифференцированные и политически поляризованные. Свободная и честная конкуренция, демократические процессы принятия решений, правовое равенство, свобода слова, равенство шансов и ценностей, справедливость представляются иммунной системой общества, которая защищает его от попыток концентрации власти, неконтролируемых иерархий и удовлетворения частных интересов <...>.

Следовательно, коррупция как структурный феномен является противоположностью модерна. Вместо универсальных критериев качества работ и услуг, используются партикулярные связи и лояльность; вместо социальной инклюзии, основанной на честной конкуренции, — негласные договоренности и кумовство. На место универсальной веры в справедливость и действие общих правил приходят доверительные отношения и конспирация небольших групп, которые создают свои законы и не беспокоятся о соблюдении обязательных для всех правовых норм.

Современные организации характеризуют себя в первую очередь как такие, которые оценивают поведение своих членов в рамках дихотомии: «конформное — девиантное». Опасность, которую таит в себе такая оценка для членов организации (каждое их действие может быть оценено как ошибочное или противоречащее правилам), смягчается тем, что такая проблема возникает только там, где их поведение вызовет соответствующую реакцию, т. е. оценку. Таким образом, складываются серые зоны безразличия, в которых члены организации опытным путем устанавливают, как далеко они могут зайти в своих действиях. Решения в таких организациях зачастую принимаются в теневой зоне. Тот, кто в организации хочет сконцентрировать в своих руках власть, должен постараться создать условия «непрозрачности» для процесса принятия своих решений и условия «прозрачности», когда решения принимаются другими лицами <...>.

Считающийся само собой разумеющимся тезис, что коррупция — это особый феномен, характерный для развивающихся и трансформирующихся обществ, должен

быть поставлен под сомнение с точки зрения как эмпирических, так и исторических исследований. В рамках этого тезиса подарки и благодарность в межличностных отношениях рассматриваются как характерные для определенных культур экономические и политические злоупотребления. Такая позиция игнорирует, во-первых, факт наличия институциональных и культурных границ продаваемости и покупаемости, и во-вторых, те связи, которые возникают из краткосрочных экономических интересов международных компаний и концернов и желания обогащения местных элит <...>.

Не хочу ставить под сомнение то, что коррупция с давних времен покоилась и покоится на доверительности и прочности партикулярных связей, лояльности и обмене подарками <...>, а также то, что за фасадом доверительности и прочности коррупционных отношений скрывается возможность давления друг на друга, что является рациональным мотивом дальнейшего молчания и обмена подарками или услугами.

Но именно поэтому следует поставить вопрос: почему вообще подобные связи имеют смысл в современном обществе и окупаются для тех, кто в них вовлечен, несмотря или благодаря изменившимся условиям? Ответ на этот вопрос возвращает нас к пониманию современного общества как функционально-дифференцированного, которое считает своей заслугой независимость экономических, политических, правовых или профессиональных решений от социального происхождения, социальной принадлежности и профессиональных потребностей лиц, их принимающих, а также замену страт функциональной дифференциацией. Мнимая слабость коррупционных связей противоречит реальности, в которой коррупционные связи очень устойчивы, а их участники очень находчивы.

С этой точки зрения коррупция представляется либо следствием неразвитости модерна, либо инструментом снижения неуверенности, рисков отдельных акторов. Это, конечно, правильно и освобождает теоретиков и теории от необходимости более дифференцированно изучить современное общество. Всегда можно провозгласить, что новый мир еще не создал замены тому, что дает коррупция. Однако можно задаться вопросом о том, отражает ли этот теоретический подход реальную модель современного общества?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего необходимо констатировать, что коррупция как устойчивый и эффективный феномен не является особенностью так называемых развивающихся или переходных обществ. Большое количество более или менее громких случаев коррупции в современном обществе и их социальные последствия указывают на то, что в данном случае не стоит делить общество на большинство белых овец и нескольких черных. Также очень спорными представляются отсылки к различным культурным особенностям и менталитетам. Такие объяснения, хотя и основываются на эмпирических наблюдениях, обладают небольшим объяснительным потенциалом, так как основаны на повторяющихся аргументах и изобилуют неисследованными аспектами. Это связано, с одной стороны, с тем, что при обращении к таким концептам, как «культура», «ментальность» или «слой общества», обычно не удается четко сформулировать, что же, собственно, исключается из этих понятий при объяснении коррупции. С другой стороны, отсутствует убедительное объясне-

ние тому, почему явно разные культуры, традиции и общества разного уровня приходят к одному и тому же феномену. При этом не стоит отрицать, что чувствительность общества к случаям коррупции или оправдание таких случаев связаны с применением специфического для каждого общества культурного кода.

С благодарностью стоит отметить, что эмпирическая социология покончила со своими собственными мифами в области исследования коррупции, к которым относился постулат, что коррупция как значимый для общества феномен является особенностью неразвитых обществ или обществ, находящихся в стадии перехода к модерну. Также в свете эмпирических исследований под сомнение ставится утверждение, что коррупция — это феномен, который может быть объяснен только в рамках различных культур и менталитетов.

Литература

Baecker D. (2000). Organisation als Begriff: Niklas Luhmann über die Grenzen der Entscheidung // *Lette International*. 2000. №49. S. 97–101.

Luhmann N. (1995). Kausalität im Süden // *Soziale Systeme*. 1995. № 1. S. 7–28.

Social structure and mobility in economic development. (1966) / ed. N. J. Smelser and S. M. Lipset. London: Routledge & K. Paul.

Streissler E. (1981). Zum Zusammenhang zwischen Korruption und Wirtschaftsverfassung: Korruption im Vergleich der Wirtschaftssysteme // *Korruption und Kontrolle* / Hrsg. C. Brünner. Wien, Köln, Graz: Böhlau, 1981. S. 299–328.